
МОРФОЛОГИЯ

УДК 811.512.156

DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-28-37

Категория интенсивности в тувинском языке (на примере атрибутивных имен)

Ч. С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Универсальным и эксплицитным средством выражения интенсивности и усилительности в тувинском языке являются наречия, в семантике которых часто совмещаются также значения образности и оценочности, что позволяет отнести их к экспрессивному фонду лексических единиц. В статье проанализировано 9 наречий, в ядерных значениях которых содержатся семы 'очень', 'совсем', 'обязательно'. Имена прилагательные самостоятельно в роли интенсификаторов используются реже, некоторые из них выражают интенсивность имплицитно. Наиболее распространенным является сочетание двух имен прилагательных $A_{intens} + A$, в котором роль интенсификатора выполняет первое из них. Прилагательные-интенсификаторы часто употребляются в переносных значениях, в составе устойчивых выражений и достаточно широко распространены в разговорной речи и в художественных произведениях.

Ключевые слова

функциональная грамматика, эмоционально-оценочная лексика, категория интенсивности, интенсификатор, наречия-интенсификаторы, прилагательные-интенсификаторы, тувинский язык

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках государственного задания («Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», №121031000258-9).

Для цитирования

Цыбенова Ч. С. Категория интенсивности в тувинском языке (на примере атрибутивных имен) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 28–37. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-28-37

The intensity category in the Tuvan language (the case of attribute names)

Ch. S. Tsybenova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch RAS,
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

This article provides a detailed analysis of the linguistic means used to express intensity in the Tuvan language, with a specific focus on the unique properties of attributes (adverbs and adjectives) having the seme of intensity in their lexical meaning. It is noted that this category has not been explored in Tuvan linguistics. In total, nine adverbs were analyzed, nuclear meanings of which contain the semes "very", "absolutely", "nec-

© Ч. С. Цыбенова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53)

essarily”. The article also considers some of the adjectives most commonly used in speech, outlining typical patterns and constructions. The analysis revealed a high degree of productivity among adverbs in conveying intensity within the Tuvan lexicon, demonstrating both universality and diversity. In addition, it was found that adverbs-intensifiers tend to convey the meaning of intensity explicitly. Especially characterized by specificity are figurative lexemes, such as *sa/sy* “thoroughly, properly, highly strongly”, *čula, čaza* “highly strongly”. They do not have independent functionality, but emphasize the intensity of action. Adjectives are less frequently employed as intensifiers, with some inherently conveying intensity. A prevalent structure involves a combination of two adjectives, with the first serving as intensifier: $A_{intens} + A$. The study demonstrates that the functional mechanism of adjectives-intensifiers is predominantly transfer-based, operating within established frameworks and common expressions found frequently in both informal and artistic language.

Keywords

functional grammar, emotional-evaluative vocabulary, intensity category, intensifier, adverbs-intensifiers, adjectives-intensifiers, the Tuvan language

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the state assignment (“Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth,” No. 121031000258-9).

For citation

Tsybenova Ch. S. Kategoriya intensivnosti v tuvinskom yazyke (na primere atributivnykh imen) [The intensity category in the Tuvan language (the case of attribute names)]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 28–37. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-28-37

Введение

В лексическом фонде языка особое место занимают эмоционально-оценочные слова. Будучи многогранной, эмоционально-оценочная лексика имеет в своей семантике несколько коннотативных значений, одним из которых является интенсивность. Исследования показывают, что усилительные элементы, или единицы, передающие интенсивность, могут получать выражение не только в семантике, но и в структуре слова. По мнению Т. В. Штатской, интенсивность как категория обладает широкими свойствами, «характеризуя действия, предметы, признаки, она активно проявляет себя в семантической структуре глаголов, имен существительных и прилагательных, наречий» [Штатская 2017: 176].

Как и другие функционально-семантические категории, интенсивность реализуется различными способами: фонетическими, морфологическими, лексическими, синтаксическими. Являясь пограничной категорией, интенсивность связана с понятиями экспрессивности, эмоциональности, оценочности и т. д. Однако, несмотря на достаточную изученность интенсивности в отечественной лингвистике, среди исследователей пока нет единого мнения относительно ее лингвистического статуса и смыслового содержания. Особую актуальность представляет также исследование интенсивности как функционально-семантической категории на материале национальных языков РФ. Категория интенсивности в данных языках в рамках функционального подхода практически не изучена, для некоторых из них рассмотрены лишь отдельные ее аспекты.

В данной статье рассматриваются атрибутивные имена тувинского языка. Целью является анализ наречий и имен прилагательных, объединенных функцией интенсивности, выражающих высокую степень проявления признака. В связи с этим поставлены следующие задачи: рассмотреть атрибутивные имена тувинского языка с интенсифицирующим значением, изучить их семантическое значение, описать наиболее употребительные имена, в ядерных значениях которых содержатся семы ‘очень’, ‘совсем’, ‘обязательно’. В терминологическом плане рассматриваемые лексические единицы определяются нами как интенсификаторы, т. е. средства, усиливающие значение стоящего рядом слова.

Эмпирический материал отобран из «Тувинско-русского словаря» [ТРС 1968], «Этимологического словаря тувинского языка» [Татаринцев 2018] и разговорной речи. Всего проанализировано 9 наречий-интенсификаторов, в ядерных значениях которых содержатся семы ‘очень’, ‘совсем’, ‘обязательно’. Описаны также некоторые наиболее употребительные в речи прилагательные-интенсификаторы, проанализированы распространенные модели

и конструкции, передающие семантику интенсивности. В работе использован описательный метод, интроспективный и контекстуальный анализ, а также анализ словарных дефиниций.

1. История изучения категории интенсивности

В отечественной лингвистике интенсивность рассматривали И. И. Туранский [1990], Н. А. Лукьянова [1986], А. В. Бондарко [2001], Е. И. Шейгал [1981] и др. По мнению С. Е. Родионовой, одним из отличительных признаков интенсивности является ее прагматический характер, который отсутствует у других объективных смежных категорий: для категории интенсивности важна «субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [Родионова 2004: 303]. На прагматический характер интенсивности указывает также В. Н. Егорова: в самом широком смысле под интенсивностью можно понимать количественное изменение признака. Интенсивность, как она полагает, имеет также экспрессивный компонент [Егорова 2009: 224].

Более детальное определение интенсивности на примере лексики русских старожильческих говоров Среднего Приобья дает Е. В. Бельская. Она рассматривает интенсивность как структурно-семантическое свойство слова. По ее мнению, семантика слова, обладающего интенсивным признаком, отражает субъективную качественно-количественную интерпретацию объекта реальной действительности с точки зрения его несоответствия нормативной степени своего проявления. Эта специфика материализуется в структуре внутренней формы слова за счет мотивирующей части, отражающей метафорический перенос, и / или формантной части и актуализируется в особом типа интенсивном контексте [Бельская 2001: 9].

В языках коренных народов Сибири некоторые аспекты интенсивности рассмотрены на примере лексики бурятского [Абаева 2022а, 2022б; Цыбенова 2022], тувинского [Аннай 2016, 2021; Байыр-оол, Шагдурова 2017; Сюрюн 2011], хакасского [Байыр-оол, Шагдурова 2017], алтайского языков [Майзина 2006], а также на примере языков Южной Сибири в сравнении с некоторыми тюркскими языками [Кошкарева, Абжапарова 2022].

В тувинском языке интенсивность как один из компонентов экспрессивности в структуре лексического значения слова выделяла Э. К. Аннай [Аннай 2021: 9]. Ею были рассмотрены экспрессивные лексемы тувинского и русского языков, характеризующие человека, в сравнительно-сопоставительном аспекте. В структуре лексического значения экспрессивного слова Э. К. Аннай выделяет денотативно-сигнификативный и коннотативный компоненты, последний из которых может состоять из сем образности, оценочности и интенсивности [Аннай 2021: 9]. Так, в слове *хорту* 'женщина, баба, негодница' денотативно-сигнификативный компонент выражен значением 'женщина' (сущ., ед. ч.), коннотативный состоит из следующих коннотативных сем: семы образности (КС₁) – 'молодая или средних лет женщина, своенравная, не привыкшая слушаться'; семы эмотивной оценки (отрицательной или положительной) (КС₂) – 'плохая'; семы интенсивности (КС₃) – 'очень плохая женщина, негодница' [Там же: 9–10].

Интенсивность в рамках исследования парных глаголов в тувинском и хакасском языках проанализирована в работе А. В. Байыр-оол и О. Ю. Шагдуровой [Байыр-оол, Шагдурова 2017]. В их исследовании показано, что семантику интенсивности могут иметь парные глаголы речи и звукоподражания, глаголы эмоционального состояния, глаголы, выражающие физическое состояние человека, и глаголы физического воздействия. Авторы приходят к выводу, что парные глаголы характеризуются сложной семантической структурой: кроме семантики собирательности и обобщенности, они могут передавать и семантику интенсивности протекания действия. Некоторые лексемы в самостоятельном употреблении не выражают интенсивность, а передают ее исключительно в составе парного глагола. Семантика интенсивности более ярко выражена у парных глаголов тувинского языка, чем хакасского [Байыр-оол, Шагдурова 2017: 32–33].

Некоторые формы интенсификации на примере приименных и приглагольных атрибутов тувинского языка рассмотрены в диссертационной работе А. А. Сюрюн [Сюрюн 2011]. Выделяя в тувинском языке полифункциональный квалитатив как самостоятельную часть речи, автор рассматривает в качестве показателя усиления качества суффикс *-кыр* и препозитивные модификаторы *дыка* 'очень' и *кончуг* 'очень, сильно, весьма'. Еще одним способом усиления качества в тувинском языке является частичная редупликация полифункциональных квалитативов [Сюрюн 2011: 15-17]. Например:

Бип=бичии   *хеме=ни*   *уп=улуз*   *чалгыг=лар*   *чи=п=кен*
RDPL=маленький   лодка=ACC   RDPL=большой   волна=PL   есть=PRF=PST2
 букв. ‘Очень маленькую лодку поглотили очень большие волны’ [Сюрюн 2011: 17].

По мнению А. А. Сюрюн, подобная редупликация характерна как для односложных, так и для многосложных полифункциональных квалитативов [Сюрюн 2011: 17].

К особому типу интенсификаторов следует отнести некоторые имена прилагательные тувинского языка, в семантике которых содержится сема интенсивности. Экспрессивную функцию подобных имен прилагательных, в частности прилагательных *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’ и *кызыл* ‘красный’, детально исследовала Э. К. Аннай. Как она полагает, *кара* чаще выступает в качестве усилителя действия, признака, чем *көк* и *кызыл* [Аннай 2016]: «в отличие от других тюркских языков, лексема *кара* сочетается не только с именами существительными, но и более свободно вступает в связь с прилагательными и наречиями, что приводит к формированию усилительного значения, благодаря которому эта лексема выступает как средство выражения экспрессивности» [Там же: 105]. В целом ею обнаружено более 60 сочетаний с цветообозначениями *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’, которые приобретают сему интенсивности благодаря переносу, например: *кара эрте* ‘очень рано’, *кара часкаан* ‘совсем один’, *кызыл кижии* ‘старательный человек’, *көк көдээ* ‘совсем деревенский’ [Там же].

Полифункциональность цветообозначения *кара* ‘черный’ в условиях ассоциативного эксперимента, в частности дифференциальные и интегральные компоненты его семантики, рассмотрены Ч. С. Цыбеновой [Цыбенова 2023: 54]. В материалах эксперимента *кара* в функции интенсификатора представлена в следующих ассоциативных парах: *кара шаар хой* ‘многочисленное стадо овец’, *кара бак* ‘черное зло’, *кара муңгарал* ‘большая печаль’, *кара оймаар* (зд. разг. вместо *олчаан*) ‘очень похожий’, *кара дүмбей* ‘черная тьма’, *кара ажыг-шүжүг* ‘большое горе’ [Цыбенова 2023: 54]. Эти же цветолексемы изучены в сравнении с казахским, киргизским и другими тюркскими языками Южной Сибири [Кошкарева, Абжапарова 2022]. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что наиболее часто интенсивность выражает цветолексема *кара* ‘черный’.

Усиление или интенсивность как семантическое свойство слова, выраженное посредством различных изобразительных средств языка, часто рассматривается в контексте экспрессивной стилистики на примере художественных произведений и фольклорных текстов. Например, в тувинских героических сказаниях цветообозначение *кара* ‘черный’ обычно используется как эпитет в значении ‘большой’, ‘огромный’: *кара тайга* ‘огромная тайга’, *кара сүме* ‘большой город’, *кара бут* ‘большая нога’, *кара теке* ‘большой верблюд’, *кара чурт* ‘большое стойбище’ и др. [Байсклан 1986: 119]. Вместе с тем описание стилистических и жанровых особенностей текстов, характеристика героев произведений, различных персонажей, событий и пр. не могут полностью соответствовать лингвистическому анализу категории интенсивности.

Как видим, в целом исследование категории интенсивности в национальных языках, в том числе и тувинском, находится пока только в начале.

2. Наречия-интенсификаторы

Эмпирический материал показывает, что наиболее ярко интенсивность выражается наречиями. Как полагает М. В. Фалдина, в русском языке наречия и прилагательные, образованные от наречий, составляют ядро субполя функционально-семантической категории интенсивности, тем самым представляя собой основное средство выражения высокой степени по отношению к некоторому объекту [Фалдина 2014: 68]. Данное утверждение правомерно и по отношению к данным тувинского языка.

Морфологические признаки тувинских наречий считаются слабо развитыми. В грамматике тувинского языка отмечается, что многие наречия омонимичны с другими частями речи, прежде всего с прилагательными, некоторыми падежными формами существительных и деепричастными формами глагола [Исхаков, Пальмбах 1961: 417]. По мнению А. А. Сюрюн, «материал тувинского языка не дает оснований для выделения “прилагательных” и “наречий” в качестве двух самостоятельных классов слов (частей речи)», и поэтому можно говорить лишь о функциональных группах атрибутивных слов [Сюрюн 2007: 176]. Исследования показывают,

что аналогичная ситуация характерна для многих алтайских языков. Так, в бурятском языке слово *буряад* ‘бурятский, бурят’ можно рассматривать и как существительное, и как прилагательное, слова типа *хайн* ‘хороший, добрый; хорошо’ могут быть и прилагательным, и наречием [Дырхеева 2020: 24].

К наиболее употребительным наречиям-интенсификаторам тувинского языка, выполняющим усилительную функцию, следует отнести следующие: *аажок* ‘очень, сильно, необычайно, чрезвычайно’, *аргажок* ‘очень, весьма, совсем; бесспорно, точно’, *дыка* ‘очень, весьма, сильно’, *кончуг* ‘очень, сильно, весьма, страшно’, *көңгүс* ‘совсем, совершенно, абсолютно’, *хөлчок* ‘очень, сильно, весьма’, *шуут* ‘совсем, совершенно, абсолютно, категорически’, *ыяап / ыяап-ла* ‘обязательно, непременно; именно’ и др. В ядерных значениях приведенных наречий содержатся семы ‘очень’, ‘совсем’, ‘обязательно’. Отметим, что корпус наречий со значением интенсивности в тувинском языке достаточно разнообразен, например: *мырыңай* ‘совсем, совершенно, абсолютно’, *халап* ‘очень, совсем’ (диал.), *албан* ‘обязательно’ и др. В рамках статьи рассмотрены лишь наиболее частотные из них.

Наречия в этих случаях выполняют свою основную функцию выделения стоящего рядом слова. Они служат показателями усиления действия, качества или признака. Некоторые примеры использования наречий тувинского языка в функции интенсификации даны в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Наречия-интенсификаторы
Adverbs-intensifiers

ADV _{intens}	Значение	ADV _{intens} + V	ADV _{intens} + A
<i>аажок</i>	‘очень, сильно, необычайно, чрезвычайно страшно’	<i>аажок өөрүүр</i> ‘сильно радоваться’	<i>аажок улуг</i> ‘очень большой’
<i>аргажок</i>	‘очень, весьма, совсем; бесспорно, точно’	<i>аргажок сооп келди</i> ‘сильно похолодало’	<i>аргажок мелегей</i> ‘очень глупый’, <i>аргажок чугула</i> ‘крайне важный’
<i>дыка</i>	‘очень, весьма, сильно’	<i>дыка аарып турар</i> ‘сильно болеет’	<i>дыка чараш</i> ‘очень красивый’
<i>дендиш</i>	‘слишком, чрезмерно, чрезвычайно’	<i>дендиш орустаар</i> ‘очень хорошо говорить по-русски’	<i>дендиш чараш</i> ‘очень красивый’
<i>кончуг</i>	‘очень, сильно, весьма, страшно’	<i>кончуг ырлаар</i> ‘очень хорошо петь’	<i>кончуг эки</i> ‘очень хорошо’, <i>кончуг чараш</i> ‘очень красивый’
<i>көңгүс</i>	‘совсем, совершенно, абсолютно’	<i>оглун көңгүс тогбас</i> ‘совсем не обращает внимание на сына’	<i>көңгүс чаа платье</i> ‘совсем новое платье’
<i>хөлчок</i>	‘очень, сильно, весьма’	<i>хөлчок хөглээр</i> ‘сильно веселиться’	<i>хөлчок улуг</i> ‘очень большой’
<i>шуут</i>	‘совсем, совершенно, абсолютно, категорически’	<i>шуут чай чок мен</i> ‘у меня совершенно нет времени’	<i>шуут аамайсыг</i> ‘совсем глупый’
<i>ыяап / ыяап-ла</i>	‘обязательно, непременно; именно’	<i>ыяап чедип кел</i> ‘обязательно приходи’	<i>ыяап-ла сарыг</i> ‘именно желтый’

В корпусе интенсификаторов тувинского языка выделяются такие образные лексемы, как *са / сы* ‘основательно, как следует; очень сильно’ [Татаринцев 2018: 23], *чула, чаза*, которые не имеют самостоятельного функционала, но подчеркивают интенсивность протекания действия. Приведем некоторые примеры из лексикографических источников и разговорной речи: *сы базар* ‘выдавливает’, *сы тудар* ‘выжимать’ [ТРС 1968: 395], *сыр дедир* ‘совсем наоборот’, *сыр өске* ‘совсем другой’ [Татаринцев 2018: 162], *са кончуур* ‘очень сильно ругать’, *чула*

кончуур ‘очень сильно ругать’, *чула шавар* ‘очень быстро скакать’, *чула эттээр* ‘очень сильно бить’, *чаза / чаза-кара каттырар* ‘смеяться взмахом’, *чаза боданыр* ‘усиленно думать’, *чаза ыглаар* ‘плакать навзрыд’ и т. д.

3. Прилагательные-интенсификаторы

Имен прилагательных, самостоятельно выражающих сему интенсивности, в тувинском языке не так много. Наиболее распространенной и универсальной является лексема *эң-не / эң* ‘самый, наи-, перво-’, которая часто образует превосходную степень слова, употребляемого для усиления значения члена предложения, на который падает логическое ударение, например: *эң улуг* ‘самый большой, наибольший’, *эң эки* ‘самый хороший, наилучший’, *эң-не чарааш* ‘самый красивый, наикрасивейший’.

Многие имена прилагательные содержат имплицитную сему интенсивности в сочетаниях с другими прилагательными: $A_{intens} + A$, например: *кайгамчык чарааш* ‘удивительно красивый / очень красивый’, *онза чарааш* ‘особенно красивый’, *чиңгине тыва* ‘истинно тувинский’, *маңган ак* ‘ослепительно белый’, *улам дурген* ‘очень быстро’ и др.

Корпус имен прилагательных с интенсифицирующей функцией в тувинском языке в сочетании $A_{intens} + A$ представлен достаточно широко. Вместе с тем следует отметить, что они представляют собой устойчивые выражения, встречающиеся в языке как готовые речевые клише с усилительной семантикой. Большинство из них являются образными лексемами с дополнительным эмоциональным оттенком и выразительностью. Поэтому использование подобных атрибутивных моделей часто зависит от степени владения языком, испытываемых эмоций, ситуации общения. При переводе многие из них подвергаются трансформации либо возможен только дословный перевод. Приведем несколько примеров из разговорной речи: *мугулай мелегей* ‘очень глупый’, *хөлүгүр көк* ‘очень простой’, *хилиң кара* ‘черный-пречерный’, *шаңгыр ногаан* ‘несозревший зеленый’, *өктергей бай* ‘блаженно богатый’, *кара бай* ‘очень богатый’, *ирик бай* ‘тухлый / загнивший богатый’, *кара хуюк* ‘горелый-прегорелый’, *өртең кара* ‘горелый черный’, *өлүг чалгаа* ‘чрезвычайно / мертвецки ленивый’, *тулган чарааш* ‘очень / особенно красивый’, *уктуг шевер* ‘очень / сроду искусный’, *шыгырт долу* ‘совсем полный’, *шак доң* ‘мерзлый-премерзлый’ и др.

В тувинском языке встречается также множество образно-определяющих конструкций со значением усиления: *бажын ашкан бай* ‘очень богатый’ (букв.: богатый выше головы), *эмин эртир солун* ‘очень / слишком / чрезвычайно интересный’, *чок дээн шевер* ‘очень искусный’ (букв.: искусный, что нигде не сыскать / ни с кем не сравнить), *суг дер дужер* ‘сильно потеть’ (букв.: потеть так, что проступает вода, пот градом льется) и др.

Имена прилагательные *коргунчуг / кончуг* ‘страшно / страшный’, *чүдек* ‘некрасивый, ужасный’, *бужар* ‘ужасный, безобразный’ также имеют сему усиления, при этом свое основное значение они теряют: *коргунчуг чарааш* ‘очень красивый’ (букв.: страшно красивый), *чүдек чаагай* ‘очень вкусный’ (букв.: ужасно вкусный), *бужар тенек* ‘ужасно глупый’ (букв.: безобразно глупый). Данное явление характерно и для дургих языков, ср. рус. *ужасно красивый*, бур. *бузар гоё* ‘ужасно красивый’, *муухай хүйтэн* ‘очень (букв.: грязно) холодно’, *айхабтар дулахан* ‘неимоверная (букв.: страшная) теплота’ [Абаева 2022а: 101–102].

Для выражения интенсивности используются также разнообразные редупликативные конструкции, в том числе модели, основанные на частичной редупликации: *кап-кара* ‘черный-пречерный’, *ап-ак* ‘белоснежный’, *кып-кызыл* ‘красный-прекрасный’ и т. п. В этом же ряду необходимо отметить редупликативную конструкцию с глаголом-связкой *дээрге*. В «Тувинско-русском словаре» этот глагол в рассматриваемом значении не упоминается, дается перевод ‘это, а; что касается’: *хлорзуг натрий дээрге ижер дус-тур* ‘хлористый натрий – это поваренная соль’, *олар дээрге* ‘а они, что касается их’ [ТРС 1968: 196]. В близком значении *дээрге* зафиксирован в словарной статье глагола *дээр* ‘1. Говорить, сказать; 2. Думать, собираться, предполагать’; в частности, подходит значение 3 ‘вспомогательный глагол при звукоподражаниях: *чыжырт дээр* ‘грязнуть’; *чирс дээр* ‘грохнуть’ [ТРС 1968: 196]. Глагол *дээрге* можно определить как грамматический интенсификатор в образных определяющих моделях, функционирующий только в редупликативной конструкции с прилагательными, существительными, а также с глаголами: $A + дээрге + A$, $N + дээрге + N$, $V + дээрге + V$, например: *хөй дээрге хөй* ‘очень много’, *изиг дээрге изиг* ‘очень-очень жарко’, *чарааш дээрге*

чараш ‘очень и очень красиво’, *ажыл дээрге ажыл* ‘очень много работы’, *кижи дээрге кижии* ‘очень много народу’, *өөренир дээрге өөренир* ‘очень хорошо / усердно учиться’ и др.

Сему усиления и множественности имеют также и некоторые образные лексемы, которые самостоятельно не функционируют: *чайт*, *кизирт*. Они сочетаются с прилагательными и существительными, например: *Аргада кат кызыл чайт* ‘В лесу так много ягод, что красным-красно’; *Долгандыр хар ак чайт* ‘Вокруг так много снега, что белым-бело’; *Садыгда кижии бажы кизирт* ‘В магазине целая толпа народу’.

Заключение

В системе языковых средств тувинского языка ведущая роль в выражении интенсивности принадлежит лексическому уровню: высоко продуктивными, многочисленными и разнообразными являются наречия. Имена прилагательные в данном значении используются реже, однако в рамках различных моделей и устойчивых выражений они также могут передавать значение усиления. В речи подобные конструкции используются широко. Функцию интенсификатора могут передавать и другие части речи – частицы, глаголы, различные обороты и др.

Все рассмотренные атрибутивные модели и редупликативные конструкции в определенной степени содержат в себе, кроме интенсивности, образность и оценку. В свою очередь, это сближает категорию интенсивности с другими экспрессивными средствами языка. У всех пограничных категорий, связанных с эмоциями, есть общее семантическое поле, где они накладываются друг на друга. В этом случае интенсификаторы можно рассматривать шире – не только как средства усиления, но и как средства выражения экспрессивности, оценочности.

Список литературы

Абаева Ю. Д. Лексические интенсификаторы в бурятском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022а. № 2 (39). С. 98–108.

Абаева Ю. Д. Немотивированные наречия в функции интенсификаторов в бурятском языке // Russian Linguistic Bulletin. 2022б. № 7 (35). URL: <https://rulb.org/archive/7-35-2022-november/10.18454/RULB.2022.35.7> (дата обращения: 17.09.2024).

Аннай Э. К. Лексемы *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’ как экспрессивные средства в тувинском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 9: Филология. С. 93–111.

Аннай Э. К. Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека в сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 28 с.

Байсклан С. М. Изобразительные средства тувинских героических сказаний // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Типография Госкомиздата Тувинской АССР, 1986. С. 118–127.

Байыр-оол А. В., Шагдурова О. Ю. Усложнение структуры и семантики парных слов в тувинском и хакасском языках (на примере парных глаголов с семантикой интенсивности) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 4. С. 27–36.

Бельская Е. В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 20 с.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 260 с.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.

Егорова В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 224–226.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1961. 471 с.

Кошкарева Н. Б., Абжапарова М. Прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов в казахском языке (в сопоставлении с тюрскими языками Южной Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 260–275.

- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 230 с.
- Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 25 с.
- Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
- Сюрюн А. А. Проблема выделения «прилагательных» и «наречий» в тюркских языках (на материале тувинского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. № 3. С. 165–177.
- Сюрюн А. А. Приименные и приглагольные атрибуты в тувинском языке: к проблеме членов предложения и частей речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 22 с.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. V. Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.
- Тувинско-русский словарь / Около 22 000 слов. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.
- Фалдина М. В. Наречные интенсификаторы в практических пособиях по русскому языку как иностранному: о необходимости создания полиаспектного словаря усилительных единиц // Stephanos. 2014. № 5 (7). С. 67–79.
- Цыбенова Ч. С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 92–97.
- Цыбенова Ч. С. Семантика цветолексемы *кара* ‘черный’ в тувинском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 48–56.
- Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.
- Штатская Т. В. О категории интенсивности // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 3–2. С. 175–176. URL: <https://exeducation.ru/ru/article/view?id=11277> (дата обращения: 10.10.2024).

References

- Abaeva Yu. D. Leksicheskie intensifikatory v buryatskom yazyke [Lexical intensifiers in the Buryat language]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2022a, no. 2 (39), pp. 98–108. (In Russ.)
- Abaeva Yu. D. Nemotivirovannye narechiya v funktsii intensifikatorov v buryatskom yazyke [Unmotivated adverbs in the function of intensifiers in the Buryat language]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022b, no. 7 (35). URL: <https://rulb.org/archive/7-35-2022-november/10.18454/RULB.2022.35.7> (accessed 17.09.2024). (In Russ.)
- Annay E. K. *Ekspressivnaya leksika tuvinskogo yazyka, kharakterizuyushchaya cheloveka v sopostavitel'nom aspekte* [Expressive vocabulary of the Tuvan language characterizing a person in a comparative aspect: in a comparative aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 28 p. (In Russ.)
- Annay E. K. Leksemy *kara* ‘chernyy’, *kok* ‘siniy’, *kyzyl* ‘krasnyy’ kak ekspressivnye sredstva v tuvinskom yazyke [Lexemes *kara* ‘black’, *kok* ‘blue’, *kyzyl* ‘red’ as expressive means in the Tuvan language]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016, vol. 15, no. 9, pp. 93–111. (In Russ.)
- Baysklan S. M. Izobrazitel'nye sredstva tuvinskikh geroicheskikh skazaniy [Pictorial means of the Tuvan heroic tales]. In: *Studies in the Tuvan philology* [Studies on Tuvan philology]. Kyzyl, Tip. Goskomizdata Tuvinskoy ASSR, 1986, pp. 118–127. (In Russ.)
- Bayyr-ool A. V., Shagdurova O. Yu. Uslozhnenie struktury i semantiki parnykh slov v tuvinskom i khakasskom yazykakh (na primere parnykh glagolov s semantikoy intensivnosti) [Complication of the structure and semantics of paired words in the Tuvan and Khakass languages (on the example of paired verbs with intensity semantics)]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, vol. 15, no. 4, pp. 27–36. (In Russ.)

Bel'skaya E. V. *Intensivnost' kak kategoriya leksikologii (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [Intensity as a category of lexicology (based on the dialects of the Middle Ob region)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2001, 20 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Osnovy funktsional'noy grammatiki: Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar: Linguistic interpretation of the idea of time]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2001, 260 p. (In Russ.)

Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: osobennosti transformatsii yazykovogo soznaniya (po rezul'tatam assotsiativnogo eksperimenta)* [The Buryat language in the Context of Bilingualism: features of the transformation of linguistic consciousness (based on the results of an associative experiment)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2020, 236 p. (In Russ.)

Egorova V. N. K voprosu opredeleniya intensivnosti v sovremennom yazykoznanii [On the issue of determining intensity in modern linguistics]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2009, no. 6 (2), pp. 224–226. (In Russ.)

Faldina M. V. Narechnye intensivifikatory v prakticheskikh posobiyyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: o neobkhodimosti sozdaniya poliaspektnogo slovarya usilitel'nykh edinit [Adverbial intensifiers in practical manuals on Russian as a foreign language: on the need to create a multidimensional dictionary of amplifying units]. *Stephanos*. 2014, no. 5 (7), pp. 67–79. (In Russ.)

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and Morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 471 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Abzhaparova M. Prilagatel'nye-tsветоoboznacheniya v roli intensivifikatorov v kazakhskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri) [Colour designations as intensifiers in the Kazakh language in comparison with Turkic languages of Southern Siberia]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2022, no. 3, pp. 260–275. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive lexis of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1986, 230 p. (In Russ.)

Mayzina A. N. *Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy altayskogo yazyka v sopostavlenii s mongol'skim yazykom* [Semantic field of color meanings of the Altai language in comparison with the Mongolian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 25 p. (In Russ.)

Rodionova S. E. Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy [Intensity and its place among other semantic categories]. In: *Slavyansky vestnik [Slavonic Bulletin]*. Moscow, 2004, iss. 2, pp. 300–313. (In Russ.)

Sheygal E. I. *Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliyskom yazyke* [Intensity as a component of word semantics in modern English]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1981, 26 p. (In Russ.)

Shtatskaya T. V. O kategorii intensivnosti [About the Intensity category]. *International Journal of Experimental Education*. 2017, no. 3–2, pp. 175–176. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11277> (accessed 10.10.2024). (In Russ.)

Syuryun A. A. *Priimennyye i priglagoel'nye atributy v tuvinskom yazyke: k probleme chlenov predlozheniya i chastey rechi* [Nominal and verbal attributes in the Tuvan language: on the problem of sentence members and parts of speech]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2011, 22 p. (In Russ.)

Syuryun A. A. Problema vydeleniya “prilagatel'nykh” i “narechiy” v tyurkskikh yazykakh (na materiale tuvinskogo yazyka) [The problem of distinguishing “adjectives” and “adverbs” in the Turkic languages (based on the material of the Tuvan language)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Studies*. 2007, vol. 3, pp. 165–177. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, 2018, 180 p. (In Russ.)

Tsybenova Ch. S. Semantika tsvetoleksemny kara ‘chernyy’ v tuvinskom yazyke [Semantics of the color lexeme kara ‘black’ in the Tuvan language]. *Bulletin of BSU. Philology*. 2023, iss. 3, pp. 48–56. (In Russ.)

Tsybenova Ch. S. Sredstva vyrazheniya kategorii intensivnosti v buryatskom yazyke [Means of expressing the category of intensity in the Buryat language]. *Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 2020, iss. 4, pp. 92–97. (In Russ.)

Turanskiy I. I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow, Vyssh. shk., 1990, 173 p. (In Russ.)

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Okolo 22 000 slov. Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.11.2024

Сведения об авторе
Information about the Author

Чечек Сергеевна Цыбенова – кандидат фило- *Chechek S. Tsybenova* – Candidate of Philology,
логических наук, научный сотрудник Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and
Института монголоведения, буддологии и Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия) RAS (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: tschechek@mail.ru
ORCID 0000-0002-7789-1492